

ПРАВозащитный центр "Мемориал"

MEMORIAL HUMAN RIGHTS CENTER

127051, Россия, Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. +7 (495) 225-3118

Факс +7 (495) 624-2025

E-mail: memhrc@memo.ru

Web-site: <http://www.memo.ru/>

**НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕЖИМА
ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В МОСКВЕ В ПЕРИОД С СЕРЕДИНЫ
ДНЯ 4 ОКТЯБРЯ ДО 18 ОКТЯБРЯ 1993 г.**

ДОКЛАД ПРАВозащитного центра «Мемориал»

Апрель 1994 г.

Данный доклад не касается событий и актов, предшествующих введению чрезвычайного положения (ЧП) в Москве, и вооруженных столкновений 3-4 октября. Этим событиям ПЦ «Мемориал» посвящает отдельную работу. В докладе описываются случаи нарушения прав человека со стороны властей и сил, обеспечивающих режим чрезвычайного положения, уже после подавления организованного сопротивления сторонников Верховного Совета.

С нашей точки зрения никакие обстоятельства, приведшие к введению чрезвычайного положения, не могут служить оправданием случаям массовых злоупотреблений, нарушения закона и попрания прав человека со стороны должностных лиц разного уровня, обеспечивавших режим чрезвычайного положения. Эти совершенные преступления ни по кругу лиц, ни по статьям Уголовного Кодекса РФ не подпадают под объявленную политическую амнистию. Безнаказанность в данном случае ведет к усилению в обществе неведения в возможность защищать свои права законным способом, поощряет должностные лица к дальнейшему произволу.

3 октября 1993 г. в Москве Указом Президента России 1575 «О введении чрезвычайного положения в г. Москве» до 10 октября было введено чрезвычайное положение. На следующий день были изданы Указы Президента 1578 «О безотлагательных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в г. Москве» и 1580 «О дополнительных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в г. Москве», конкретно определявшие меры, которые были должны предпринимать власти для обеспечения режима ЧП. 9 октября Президент продлил режим чрезвычайного положения до 18 октября.

Данные Указы соответствовали Закону России «О чрезвычайном положении» (за исключением пункта Указа 1578, касающегося лишения депутатов неприкосновенности).

Комендантом района чрезвычайного положения был назначен генерал-лейтенант милиции А.Н.Куликов, начальник службы общественной безопасности МВД России.¹ Приказом А.Н.Куликова 4 октября в Москве был установлен комендантский час с 23.00 до 5.00 часов (в последующем период действия комендантского часа был сокращен).

Кроме сил московской милиции режим чрезвычайного положения обеспечивали подразделения ОМОН, направленные в Москву из других городов, и части внутренних войск

МВД России (в целом ежедневно в дежурстве по поддержанию комендантского часа участвовало более 10 тысяч человек). Военнослужащие вооруженных сил МО России (подразделения Таманской и Кантемировской дивизий, парашютно-десантных полков из Наро-Фоминска, Тулы и Рязани) после взятия «Белого Дома», в основном, охраняли это здание и воинские объекты.

Согласно международным нормам и законодательству России чрезвычайное положение есть особый правовой режим, допускающий ограничения прав и свобод граждан, но при этом действия властей четко ограничены законными рамками и пределами их компетенции. В частности, не допускаются отступления от запрета на жестокое, бесчеловечное и унижающее человеческое достоинство обращение [1]. Однако реальность чрезвычайного положения показала, что должностные лица разного уровня не были намерены действовать в рамках продолжающего действовать на территории страны законодательства. Более того, вскоре после введения чрезвычайного положения в Правозащитный Центр «Мемориал» начали поступать сообщения о фактах жестокого и унижающего достоинство обращения с людьми со стороны сотрудников правоохранительных органов.

ПЦ «Мемориал» призвал пострадавших граждан обращаться к нам. Часть таких заявлений с согласия пострадавших была передана нами в Московскую и военную прокуратуры.

В распоряжении Правозащитного Центра «Мемориал» имеются показания о том, что часть людей, выведенных из «Белого Дома», в том числе депутатов и сотрудников аппарата Верховного Совета, была избита сотрудниками милиции (ОМОН) и военнослужащими (в ряде газет также сообщалось об этом [2]). Избиения происходили в подъездах домов по Краснопресненской набережной, где милиция скапливала людей, а также на других близлежащих улицах. Известны случаи нанесения достаточно серьезных травм. При этом, однако, следует отметить, что большинство людей, вышедших из здания Дома Советов, все же такому обращению не подверглись.

С середины дня 4 октября на территории, расположенной рядом с «Белым Домом», сотрудники подразделений ОМОН и солдаты внутренних войск начали в массовом порядке задерживать людей. Как известно, в этот день с утра вокруг «Белого дома» скопилось огромное количество людей, пришедших посмотреть на обстрел и штурм здания Верховного Совета. Собравшиеся люди неоднократно попадали под обстрел, в результате чего имелись убитые и раненые среди гражданского населения. Такое массовое скопление людей на простреливаемой территории смогло произойти в результате полной дезорганизации работы правоохранительных органов.

Следует сказать, что у здания Верховного Совета находилось также определенное количество людей, пришедших сюда с целью присвоения имущества из стоящих частных автомашин и здания Верховного Совета.

Оцепление вокруг этой территории, состоящее из сотрудников милиции и солдат внутренних войск, начало выставляться не раньше часа дня, но при этом не по всему периметру одновременно. В результате, со стороны набережной люди еще некоторое время свободно подходили и уходили от «Белого Дома», в то же время в других местах таких же людей задерживали, как пытающихся скрыться защитников Дома Советов. Абсолютное большинство из задержанных таким образом граждан оказались случайными людьми. Более того, известны случаи, когда были избиты и задержаны люди, вышедшие на защиту демократии по призыву Е.Т.Гайдара в ночь с 3 на 4 октября и оказавшиеся в этот момент у «Белого Дома».

Показания людей, не связанных между собой, о подобных задержаниях, совпадают во многих подробностях.

Вот типичный рассказ о задержании человека, пришедшего посмотреть на штурм (в ходе проверки данного случая прокуратурой подтвердилась его полная непричастность к защите здания Дома Советов):

Вдруг одна из бронемашин начала куда-то стрелять. Люди бросились в подворотню. Проходя по двору я увидел лежащее мертвое тело.

Когда я двинулся вглубь двора из подъезда выбежал ОМОНовец и велел убираться, иначе мол я лягу рядом с убитым. Я вместе со своим спутником снова вышел в переулок, У места, где стояла бронемашина, нам скомандовали заложить руки за голову и повели по перпендикулярной улице. У другой бронемашинны нам приказали — руки на броню, ноги расставить — и начали обыскивать. Моему спутнику сказали, что, раз он в зеленой телогрейке, то, значит, он защитник «Белого Дома», и стали его избивать прикладами автоматов руками и ногами по корпусу. Меня ударили кулаком под правую скулу, я упал, затем раза два ударили ногами.

Обоим сказали встать и бежать, укryвшись за бронетехникой, в сопровождении ОМОНовцев, затем остановили, приказали «На колени!», «Вытряхивай все из карманов!». Из группы ОМОНовцев вышел ОМОНовец с видеокамерой и снял нас, а также отобранные у нас вещи, заставив назвать фамилию, имя, отчество, адрес. Другой ОМОНовец сказал: «Раздевайся!». Мы оба начали говорить: «Ребята, что вы, мы абсолютно ни в чем не виноваты»...

Меня и еще троих человек загнали в микроавтобус... Один человек кричал: «Я — ваш! Я — ваш и пришел за Вас по зову Лужкова с Гайдаром!», его в ответ избивали, и, чем сильнее он кричал, тем сильнее били...[3]

Большинство задержанных избивали, некоторых до потери сознания. Практически из всех показаний пострадавших и свидетелей следует, что избиения не были спровоцированы какими-либо попытками неподчинения задержанных приказам сотрудников правоохранительных органов.

В настоящее время Прокуратурой возбуждено уголовное дело по факту массовых избиений и иных противоправных действий со стороны военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов в период 15-18 часов 4 октября 1993 года в районе Дома Советов.

Задержанных загружали в автобусы и автомашины, большая часть которых направлялось к зданию ГУВД (Петровка 38). Отсюда людей доставляли в отделения милиции, а отдельных граждан — в следственные изоляторы. Поскольку помещения ИВС отделений милиции в центре Москвы были вскоре переполнены, задержанных приходилось доставлять в отделения милиции, расположенные даже на окраинах города.

Имеются показания пострадавших и свидетелей о том, что часть задержанных подверглась побоям на Петровке 38.

Из показаний Лодкина Ю.Е. — главы администрации Брянской области:

Когда я вышел из «воронка», то увидел, что не менее 20 мужчин в гражданском, разных по возрасту, поставлены к стене — руки на стену. За их спинами бесновались спецназовцы. Избиение было столь зверским, что майор милиции, выскочивший из здания вынужден был

кричать на спецназовцев: «Что вы делаете? Вы ведь не знаете виновны ли эти люди. Остановитесь!» [4]

В течение дня и вечером 4 октября сотрудники милиции и солдаты внутренних войск осуществляли также задержания граждан и с внешней стороны оцепления вокруг территории, прилегающей к зданию Дома Советов. Имеются показания людей, пострадавших от действий военнослужащих и милиционеров в районе станции метро «Улица 1905 года» и на улице Красной Пресни. В ходе последующей проверки прокуратура не нашла оснований для предъявления данным людям каких-либо обвинений, однако эти люди были избиты (у одного из обратившихся с жалобой в «Мемориал» пострадавших в результате побоев было сломано ребро), некоторые из них были неправомочно задержаны и доставлены в отделение милиции или следственный изолятор.

Подвергнувшийся побоям Саликов О.В. сообщил членам ПЦ «Мемориал», что у него при этом был незаконно изъят, а практически присвоен милиционером газовый пистолет, документы на право ношение которого Саликов имел при себе. После передачи жалобы Саликова Комиссией по правам человека при Президенте России и ПЦ «Мемориал» в прокуратуру ему 19 ноября был возвращен изъятый газовый пистолет, при этом капитан милиции Андриевский, командующий патрулем, осуществившим избиение и изъятие устно извинился.

По сообщению Саликова О.В. действия милиции на улице Красной Пресни привели к ранению, а возможно и гибели гражданских людей, не совершавших в момент стрельбы по ним никаких противоправных действий. Среди прочего он описал представителям ПЦ «Мемориал» сцену, характеризующую действия сотрудников милиции:

Идет гражданский человек. Милиционер говорит ему: «Переходи на другую сторону!». Тот начинает медленно переходить улицу. За спиной его стреляют в воздух, по-видимому чтобы заставить его скорее перебежать улицу. Человек начинает бежать. Тогда, видя бегущего и слыша стрельбу, другие милиционеры, находящиеся в стороне, тоже начинают стрелять в его сторону, но уже не в воздух, а по ногам. По-видимому, они думают, что убегает преступник. Пули высекают искры из асфальта вокруг бегущего человека; он, петляя, убегает.

По данным МВД за ночь с 4 на 5 октября в районе здания Верховного Совета было задержано 1,5 тысячи человек. Все они доставлялись в изоляторы временного содержания (ИВС) и райотделы внутренних дел, где уточнялась их причастность к происшедшим событиям [5].

По крайней мере в ряде отделений милиции (18, 48, 77, 100, 119) происходило жестокое избиение многих из доставленных туда задержанных людей. Показания людей, побывавших в разных отделениях милиции, во многом совпадают.

Привезенных людей пропускали «сквозь строй», затем избиения продолжались на допросах, если сотрудники милиции считали нужным добиться от задержанного показаний о его участии в боях у «Белого Дома» или грабеже машин на прилегающей территории. Людей избивали кулаками, дубинками, прикладами, ногами. Пострадавшие также сообщали, что сотрудники милиции направляли на них огнестрельное оружие, угрожая расстрелом. Многие из задержанных в этот день, также впрочем, как и в последующие дни сообщают, что милиционеры позволяли себе по отношению к задержанным антисемитские и антикавказские оскорбления.

Из показаний Мотина А.А. представителям ПЦ «Мемориал» (в ходе последующей проверки прокуратура не нашла оснований для предъявления ему каких-либо обвинений):

Водителю велели ехать в о/м 100...

Внутри, в коридоре первого этажа, вдоль стен стояли милиционеры и прогоняли бегущих мимо задержанных прикладами и ногами. Всех поставили лицом к стене, с интервалом 2-3 метра друг от друга, начали обыскивать, а вслед за тем — избивать ногами и кулаками, переходя от одного к другому. Меня били сзади в области таза, почек, грудной клетки, головы. Требовали стоять, не двигаясь. Один сержант, другой в штатском — спрашивали: «— Сколько убил? Сколько заплатили?» ...В какой-то момент ударили одновременно в лицо и в правый бок после чего я потерял сознание. Избивать продолжали. Сержант стал требовать, чтобы я встал — иначе мне «отобьют все».

Милиционеры постоянно кричали: «— Жидовская морда! Кавказская сволочь!»

Меня подвели к стулу, чтобы записать данные; перехватило дыхание, я наклонился — и получил два удара в лицо, кулаком и ногой...

Минут через 20 после того, как меня поместили в камеру, туда ворвался сержант и стал показывать изъятую у меня бумажку — названия и цены красок, курс доллара в рублях, графический орнамент. Сержант утверждал, что это план части города, и что я — снайпер; впрочем, так называли всех, доставленных в отделение. На ответ, что это — ерунда, я получил удар в лицо. Видевший удар подполковник сказал: «Ладно, разберемся». Камеру закрыли...

Еще минут через 20 вызвали на допрос.

Допрашивал тот же подполковник, ему помогли два сержанта. Стали кричать, чтобы я сознавался, скольких убил солдат и сколько ему заплатили. Я отвечал, что он ни в чем не виноват — и, получив еще один удар в левую скулу, упал к ногам младшего сержанта; бить продолжали — ногами, с трех сторон. Я стал креститься и кричать: «— Господом клянусь, ни в чем невиновен, и вы совершаете грех, избивая здесь людей невиновных!», — бить начали сильнее, а сержант закричал, что сейчас застрелит. Другой прыгнул обеими ногами на грудную клетку и живот... Тут подполковник начал говорить, чтобы прекратили — а то он начнет стрелять; впрочем, за автомат, висевший у него на шее, он держался все время. Я поднялся на ноги, подполковник сказал: «— Ладно, я тебя спрячу пока, а утром отпущу», после чего меня вернули в ту же камеру.

В десятом часу вечера повели на допрос к следователю. Пока шли по коридору, каждый бил или пытался ударить. В это время по ТВ показывали новости; милиционеры кричали: «— Суки! Смотрите, что вы наделали! Если кто-то из наших погибнет — всех расстреляем!» Следователь не представился, начал с вопроса: «— Много убил ребят?.. Ну что, жидовская морда?!» «— Нет, я русский человек». «— Все вы русские!..»

Потом, присмотревшись, начал называть на «вы»...

Следователь прибежал к помощи находившегося в кабинете молодого человека лет 28-30 в кожаной куртке, видимо, оперативника. Тот поднял меня за воротник, взял за ухо: «Сука, ухо отрежу и заставлю съесть!»; бил также кулаком в лоб, следователь при этом слегка отворачивался. После записи объяснений следователь сказал оперативнику: «— Он не обработан» — у меня еще не достаточно проступили на лице следы избиений; оперативник повел меня в другую комнату. Там три человека выпивали и закусывали. Били в голову, под кадык, в солнечное сплетение; упавшего, били резиновой дубинкой по ногам, ребрам, ключицам.

Опять привели в комнату к следователю. Тот сказал, что тоже был защитником «Белого дома» в августе 91-го; я ответил, что не видел его тогда там. Следователь дописал объяснение, и я, прочитав, расписался — записано было все добросовестно.

По словам милиционеров, в зависимости от объяснения решался вопрос — куда отправлять: домой или в Лефортово?

Вернули в ту же камеру; всю ночь слышна была пьянка милиционеров и увещевания начальства; издевательства над ребенком лет 10, задержанным в комендантский час, и его плач: «Дядя, не надо, не надо!»; избивение грузина, попавшего в аварию на собственном «Мерседесе», сопровождающееся словами: «Моли бога, что ты не с ними».

Утром наряд сменился. Уже другой следователь, парень лет 25-26, завел меня в комнату, где был оперативник в гражданском, усадил на стул. Следователь стал кричать, что написанное накануне объяснение — ложь.

«— Ты был у Останкино! Там вам заплатили по 300 долларов, а оттуда вы отправились прорываться к “Белому Дому”. Мы бить тебя не будем — составим бумагу, ты ее подпишешь».

«— Это, ребята, липа. Можете меня здесь застрелить — ничего подписывать не буду». Меня снова избили.

Приехала опергруппа с Петровки, сфотографировали анфас и в профиль, сняли отпечатки всех пальцев и ладоней; сказали, что дела передадут в КГБ. В камере продержали до вечера 5 октября. Отпустили, отдав все взятое под расписку.

(«Мемориал» в октябре 1993 г. передал жалобу Мотина А.А. в Московскую городскую прокуратуру. 23 октября 1993 г. Ленинградская межрайонная прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела, Московская прокуратура согласилась с этим решением. Только в марте 1994 г. Генеральная прокуратура РФ возбудила уголовное дело по факту избивений. Понятно, что пострадавшему будет трудно опознать избивавших его).

Абсолютное большинство из задержанных в районе здания Дома Советов людей были в течение одних-полутора суток отпущены из отделений милиции. Правда некоторые оттуда машинами «скорой помощи» были доставлены в больницы. Нам известны по крайней мере два таких точно документированных случая [6].

По данным московской прокуратуры в период с 3 по 5 октября в изоляторах временного содержания содержалось более 6 тысяч задержанных человек. При этом протоколы об административных правонарушениях были составлены в отношении лишь половины задержанных. В следственные изоляторы были помещены 348 человек — все без документов, обосновывающих задержание, или постановлений, обосновывающих взятие под стражу. А доступ прокуроров в здание ГУВД, где содержались задержанные, вообще в нарушение закона был ограничен [7].

Беззаконие, творимое сотрудниками подразделений, осуществляющих режим ЧП, не прекратилось вплоть до его прекращения в Москве. Можно классифицировать наиболее распространенные типы произвола и беззаконий. Это:

- избивание и издевательства над задержанными и доставленными в отделения милиции — чаще всего за нарушение комендантского часа — людьми; всего же в период чрезвычайного положения за нарушение комендантского часа было задержано более 35 тысяч человек [8], за административные правонарушения — более 54 тысяч человек [9]; в этот же период прокурорами были освобождены 3,5 тысячи незаконно задержанных граждан [10];
- грабежи, вымогательство и присвоение имущества в коммерческих ларьках;
- погромы, присвоение имущества, избивания при проведении обысков в общежитиях и помещениях коммерческих предприятий.

ПЦ «Мемориал» располагает свидетельскими показаниями пострадавших людей. Кроме того о фактах такого рода писал ряд газет [11].

Нами зафиксирован случай, когда есть серьезные основания подозревать, что гибель человека (Рассадкин А.А.) наступила в результате побоев в милиции. По сообщению

родственников покойного, сотрудник милиции, пользуясь чрезвычайным положением, свел счеты с неугодным ему соседом — у того произвели обыск, избili и доставили в 48-е отделение милиции. Оттуда он был привезен к жене избитым, уже в бессознательном состоянии и скончался в больнице от полученной травмы головы [12].

По сведениям Фонда защиты гласности за период чрезвычайного положения сотрудниками милиции были избиты 32 корреспондента российских и иностранных средств массовой информации [13], о подобных фактах сообщал ряд средств массовой информации [14].

Однако наиболее массовый характер приобрели нарушения прав человека в отношении людей, не имеющих прописки в Москве. Массовый характер приняла практика выдворения таких людей из Москвы. Было выслано из Москвы 9685 человек [15]. Выдворение сопровождалось жестокостью и грубым унижением достоинства выдворяемых людей.

Не говоря уже о том, что институт прописки вообще противоречит международным нормам и к этому времени на территории России уже действовал Закон «О свободе передвижения», данные действия московской милиции прямо противоречили ст.23 п. «е» Закона России «О чрезвычайном положении» и п.1 «з» Указа Президента 1580. И в Законе и в Указе подобную меру разрешено применять лишь к нарушителям общественного порядка, не имеющим прописки в районе чрезвычайного положения. Отсутствие справки о временной регистрации никак нельзя расценивать как нарушение общественного порядка.

Кто непосредственно несет ответственность за данную практику? С нашей точки зрения — прежде всего комендант района ЧП А.Н.Куликов, мэр Москвы Ю.М.Лужков, правительство Москвы и руководство ГУВД.

5 октября на заседании правительства Москвы, где выступал А.Н. Куликов, обсуждался вопрос об очистке города «от криминогенных элементов, людей, не имеющих прописки и основания находиться в городе...» [16].

В этот же день было издано Постановление правительства Москвы 906 за подписью Ю.М.Лужкова «О мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения». Постановлением утверждалось Положение «О порядке выдворения из Москвы нарушителей общественного порядка, не имеющих прописки в Москве, к месту их постоянного проживания, либо за пределы г. Москвы». В Положении не говорилось прямо о безусловной высылке всех лиц, не имеющих прописки из Москвы, но отсутствие справки о временной регистрации становилось основанием для задержания. А далее шло описание порядка выдворения. Таким образом формулировки данного положения позволяли трактовать его как угодно. Вопиющим фактом явилось то, что эти нормативные акты не были опубликованы, и ни граждане, ни общественные организации не могли получить текст этих документов. Тем самым выдворение из Москвы тысяч граждан превратилось в откровенный произвол.

Конкретные милицейские исполнители действовали на основании телефонограмм, полученных из ГУВД, где прямо требовалось выдворять всех не имеющих прописки. Но и тексты этих телефонограмм должностные лица отказывались показывать кому-либо, представителям ПЦ «Мемориал» данные тексты были зачитаны в конфиденциальном порядке.

6 октября по радио было лишь сообщено о существовании Постановления правительства Москвы, регламентирующего высылку из города лиц, не имеющих прописки. В средствах массовой информации сообщалось также, что мэр Лужков обратился к общественности с призывом доносить на лиц, проживающих в Москве без прописки. В ряде районов начали

действовать соответствующие «телефоны доверия», о которых РУВД сообщало населению через листовки (экземпляры листовок имеются в ПЦ «Мемориал»). Однако москвичи, по-видимому, не очень активно отозвались на призыв мэра.

Газета «Московский Комсомолец» за 14 октября в заметке «Растут ряды добровольных помощников милиции» сообщала:

«На призыв мэра Юрия Лужкова сообщать милиции о подозрительных местах и нехороших квартирах, где живут люди без прописки, за неделю откликнулось 96 москвичей. По словам начальника ГУВД Владимира Панкратова, каждый звонок тщательно проверяется.»

Как сообщил сотрудник ГАИ члену общества «Мемориал» Е.В.Юрченко, 09.10 в Московское управление ГАИ поступила телефонограмма от мэра Москвы с распоряжением задерживать и выдворять из Москвы всех непрописанных иногородних. У кого есть деньги — за их счет, у кого нет — за счет городских структур.

Данная кампания была направлена прежде всего против так называемых «лиц кавказской национальности» и жителей Средней Азии, что представляет собой уголовно наказуемое по законам Российской Федерации нарушение национального равноправия и грубейшее нарушение международных обязательств России.

В качестве подтверждения можно привести опубликованную в газете «Moscow Times» от 15.10.93 копию телефонограммы, рассылаемой по ГАИ, где речь идет уже прямо о «лицах кавказской национальности» (пунктуация и орфография оригинала сохранены):

Указание Начальника УГАИ

П 1. При выявлении лиц кавказской национальности управляющих автотранспортом по доверенности и находящихся в Москве без прописки и иных документов, разрешающих пребывание в г. Москве

П 1.1 Составляется рапорт об изъятии доверенности и направляется вместе с доверенностью в УГАИ комната 304 или 306.

П 1.2 Автотранспорт задерживается и направляется в отдел ГАИ по месту задержания и находится под охраной в отделе до особого распоряжения начальника ГАИ.

Организация учета, охрана задержанных транспортных средств возлагается на начальника УГАИ.

П 1.3 Лица управляющие транспортными средствами и не имеющими прописки /кавказской национальности/ направляются в фильтрационные пункты созданные в адм. округах /отделения милиции/ о чем делается запись в рапорте, который передается в УГАИ.

Рапорта предоставить за прошедшие сутки к 8.00 в комнату 306 или 304 УГАИ.

тел. : 924-49-59, 924-40-49

передал: Мельник

(Данный документ был получен репортером от постового ГАИ, который сообщил, что данный документ рассылался по отделам ГАИ из центрального штаба УГАИ.)

Особо циничную окраску действия по выдворению из города людей, не прописанных в Москве, приобретают, если учесть, что от них пострадали многие беженцы из «горячих точек», нашедшие временное убежище в Москве. Согласно Женевской Конвенции 1951 года «О статусе беженцев и апатридов», к которой Россия присоединилась весной 1993 года, даже в случаях «принятия исключительных мер в государстве из них делаются изъятия в интересах беженцев» (ст.8). Согласно российскому Закону «О беженцах» «решение о

регистрации ходатайства о признании лица беженцем принимается в течении пяти дней со дня обращения» (ст.2). Однако на деле попытки зарегистрироваться занимают долгие недели.

Согласно Положению «О порядке выдворения...» (см. выше) выдворяемые следуют в общих вагонах почтово-багажных или пассажирских поездов до ближайшей железнодорожной станции на территории того региона, где данные лица имеют либо ранее имели постоянную прописку. В случае точного выполнения всех предписаний данного положения жизнь многих людей была бы поставлена под угрозу, однако, к счастью, пока не известно фактов высылки людей за пределы России.

Сотрудники правоохранительных органов действовали с поразительной грубостью и жестокостью. Они врываются ночью в квартиры, и людей, переживших трагедию у себя дома, под дулами автоматов уводили в приемники-распределители, некоторые из которых были созданы на базе вытрезвителей. Далее многих из задержанных в сопровождении автоматчиков большими группами загружали в поезда дальнего следования и отправляли из Москвы.

Примером может служить случай с семьей беженцев, бежавших из Гагр (Пачулия Вера Диомидовна, Пачулия Вахтанг Эрастович, Гигичкури Диана Вахтанговна — с малолетней дочерью, Гигичкури Георгий Николаевич), где им угрожала гибель, после взятия этого города абхазскими войсками. Они временно разместились в квартире своей родственницы-москвички Шенгелия Л.Д., не зарегистрировавшись в соответствии с требованиями мэрии Москвы. 13 октября ночью в квартиру пришли сотрудники ОМОН и участковый милиционер, которые увезли Пачулия В.Д., Пачулия В. Э. и Гигичкури Г.Н. Мужчин поместили в мужской распределитель на Дмитровском шоссе, а у Пачулия В.Д. в 112 о/м взяли подписку о том, что она выедет из Москвы в 24 часа и утром отпустили в связи с переполненностью женских распределителей [17]. Мужчины под охраной автоматчиков были вечером следующего дня насильно посажены в поезд и вывезены в Адлер. Свидетелями этой насильственной «отправки» на Курском вокзале г. Москвы были члены «Мемориала». В этой партии высылаемых отправлялся 1 полный вагон таких граждан. Поражает — почему нельзя было участковому милиционеру просто днем прийти к хозяйке квартиры и обязать ее зарегистрировать своих гостей в установленном порядке в течение суток ?

Многие из задержанных откупались; такие поборы производились сотрудниками милиции практически открыто [18].

Отсутствие каких либо опубликованных документов, регламентирующих действие милиции в этой области, полностью «развязало руки» исполнителям. Начали задерживать и требовать покинуть Москву даже людей, имеющих временную прописку либо в гостиницах, либо у родственников или знакомых. Часто это делалось милиционерами в целях вымогательства взятки. Обычно вмешательство членов правозащитных организаций в конкретных случаях останавливало милиционеров, но ясно, что к нам обращалось абсолютное меньшинство из пострадавших.

4 октября министр юстиции РФ Ю.Калмыков в соответствии с Указом Президента России 1578 по представлению коменданта района чрезвычайного положения приостановил на время действия чрезвычайного положения деятельность общественных объединений: Фронт национального спасения, Российская Коммунистическая рабочая партия, Общественный клуб «Союз офицеров», Объединенный фронт трудящихся России, Союз социально-правовой защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей «Щит», Российский

Коммунистический союз молодежи, движение «Трудовая Россия», объединение Русского национального единства. Приказом начальника Управления юстиции г.Москвы Ю.Костанова была приостановлена деятельность ряда общественных объединений, действующих и зарегистрированных в Москве. 6 октября Министерство юстиции РФ приостановило деятельность Коммунистической партии РФ и народной партии Свободная Россия. Данные действия властей не противоречили законодательству России и международным нормам прав человека (события, произошедшие после прекращения действия режима чрезвычайного положения, в частности, запрет на участие ряда организаций в предвыборной кампании не является предметом данного доклада).

4 октября приказом 183, подписанным заместителем министра печати и информации Цабрия, были приостановлены «выпуск и распространение изданий, учредителями которых являются общественные объединения, принявшие участие в массовых беспорядках и иных противоправных действиях в г. Москве, а также изданий, поддерживающих противоправную деятельность этих объединений («Правда», «Советская Россия», «День», «Газета духовной оппозиции», «Рабочая трибуна», «Гласность», «Русский порядок», «Русский вестник» и др.)...». Приказ установил «персональную ответственность руководителей средств массовой информации, издательств, полиграфпредприятий и типографий за неисполнение настоящего приказа». Руководство министерства информации и печати утверждало, что действует во исполнение Указа Президента России 1578.

Членам ПЦ «Мемориал» крайне чужды многие идеи, проповедуемые этими изданиями, некоторые из них, по нашему мнению, следовало бы давно закрыть за проповедь национальной нетерпимости и призывы к насилию в предусмотренном законом порядке. Однако действующими Законами РФ «О чрезвычайном положении» и «О средствах массовой информации» не предусмотрена возможность подобных действий со стороны исполнительной власти. В условиях чрезвычайного положения возможно ограничение свободы печати путем введения предварительной цензуры или временного ареста печатной продукции до отмены чрезвычайного положения [19]. Прекращение же деятельности печатных изданий возможно лишь судебным порядком.

Совсем уж грубейшим нарушением свободы печати явились приказы, изданные 13 октября тем же Цабрия, освобождающие главных редакторов некоторых изданий («Правда», «Советская Россия», «Гласность») от занимающих должностей. Также нарушением российских законов и международных норм явилось требование к этим изданиям перерегистрироваться под другими названиями.

8 октября на пресс-конференции в Вене генеральный секретарь Совета Европы К.Лалюмьер заявила, что все члены Совета Европы считают — в России должны быть восстановлены все свободы, в первую очередь свобода слова. Она выразила понимание принятых Президентом России мер, но при этом заявила, что по мнению международного сообщества оппозиционные газеты должны быть немедленно открыты.

В письме, направленном Президенту России Б.Ельцину крупнейшей правозащитной организацией США «Хельсинки Вотч», писалось о распоряжении замминистра печати и информации, приостанавливающим выпуск газет:

«Формулировка этого распоряжения представляется нам туманной и произвольной, и результатом его исполнения ... стала практически полная невозможность выражения оппозиционных мнений в средствах массовой информации России». [20]

Днем 4 октября еще до поступления в редакции приостановленных изданий соответствующего приказа замминистра печати и информации в ряд редакций пришли группы людей, представляющие «представителями демократической общественности» и «членами народных дружин» (в составе этих групп были люди в казачьей форме и в камуфляжных комбинезонах). Возглавлял эти группы Л.Шимаев, помощник представителя Президента РФ в Москве. Не имея на то никаких законных оснований и не предъявляя необходимых для этого документов, эти люди требовали от сотрудников редакций покинуть помещения. В редакцию газеты «Правда» такая группа была не допущена милицией. Однако редакции «Русского вестника», «Гласности», «Литературной России» и некоторых других изданий были заняты членами подобных формирований. По факту самоуправного захвата помещений редакций «Русского вестника» и «Гласности» Российской прокуратурой возбуждены уголовные дела.

Вместе с тем, так возмутившее общественность введение министром печати и информации РФ В.Шумейко на 2 дня (5 и 6 октября) предварительной цензуры, было, шагом, возможно, неразумным, но допустимым с позиций международного права и российского законодательства в условиях чрезвычайного положения.

Известно, что в ответ на письмо А.В.Козырева и С.А.Ковалева от 16 октября 93 года Президент России поручил Генеральному прокурору расследовать все случаи злоупотребления властью со стороны сотрудников МВД, МБ и МО, имевших место в Москве в связи с введением чрезвычайного положения, а также проверить все акты, изданные правительством Москвы во исполнение указов Президента о чрезвычайном положении, на предмет их соответствия законодательству России.

Согласно сообщению прокуратуры [21] от граждан и организаций в органы прокуратуры Москвы поступило 115 обращений в связи с незаконными действиями сотрудников органов внутренних дел в период чрезвычайного положения. В том числе 94 — об избиении, 2 — о причинении тяжких телесных повреждений, 12 — о присвоении имущества или вымогательстве, 9 — о нарушениях иного характера.

В Правозащитный Центр «Мемориал» поступило около 100 заявлений от пострадавших москвичей (некоторые коллективные), не считая обращений от людей, высылаемых из Москвы. Из них 40 жалоб, с согласия заявителей, мы передали в прокуратуру.

Для нас абсолютно ясно, что в правозащитные организации обратилась лишь крайне незначительная часть из общего количества пострадавших. Во многих свидетельствах описывалось избиение также и других людей, в ряде случаев — большого количества. Этот вывод также подтверждается результатами опросов людей, находившихся в период чрезвычайного положения в том или ином отделении милиции. Многие из них подверглись избиению, обратились же к нам из них лишь единицы. Многие пострадавшие боятся или не желают обращаться с жалобами на действия сотрудников правоохранительных органов в прокуратуру.

В течении полугода члены ПЦ «Мемориал» продолжали следить (регулярно общаясь с пострадавшими и сотрудниками Московской и межрайонных прокуратур) за тем, как шло расследование жалоб.

Межрайонные и городская прокуратуры г. Москвы начинали проверку только в тех случаях, когда заявители или правозащитные организации просили об этом. В тех же случаях, когда поступала информация от опрашиваемых свидетелей или из других источников о случаях избиений, присвоения имущества и т.п. со стороны сотрудников правоохранительных

органов, работники прокуратуры обычно сами не начинали проверку, хотя, в соответствии с законом, были обязаны это делать. Проводимая проверка, по крайней мере в некоторых случаях, осуществлялась чисто формально.

Более того, многие пострадавшие сообщали, что при допросе в межрайонных прокуратурах, следователи практически наводили их на мысль, что дело все равно окончится ничем и лучше забрать заявление обратно.

Когда явно в результате давления милиции некоторые пострадавшие заявляли о своем желании прекратить проверку жалобы, межрайонные прокуратуры тут же прекращали проверку.

О скорости работы прокуратуры можно судить хотя бы по таким фактам:

- одному из пострадавших назначили медицинскую экспертизу через два месяца после избиения;
- в феврале месяце по четырем жалобам из 40 переданных «Мемориалом» в прокуратуру еще не было принято никакого решения, хотя закон устанавливает срок для этого не более десяти дней, а к 31 марта в целом была закончена проверка по 91 жалобе из 115 [22];
- за пять месяцев Ленинградская межрайонная прокуратура г.Москвы не смогла или не захотела получить сведения от основного свидетеля по делу, где есть основания полагать о том, что смерть человека наступила в результате побоев, полученных в отделении милиции.

По состоянию на 30 марта межрайонными прокуратурами г. Москвы возбуждено 24 уголовных дел (по 55 обращениям), кроме того, в органы прокуратуры г. Москвы в февралемарте поступило из Генеральной прокуратуры еще 6 материалов, по которым возбуждены и расследуются уголовные дела. В течении весны с.г. Генеральной прокуратурой были отменены еще 8 незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного деле, из них по 6 материалам Ген. прокуратурой были возбуждены уголовные дела и 2 — направлены для производства дополнительной проверки. Т.о. всего было возбуждено 36 уголовных дел [21].

Из 40 переданных в прокуратуру ПЦ «Мемориал» жалоб по двенадцати возбуждено 10 уголовных дел. К моменту написания доклада было закончено следствие и дело передано в суд лишь по одной из переданных нами жалоб — избиению гражданина милиционером в метро, этот милиционер уволен со службы.

К концу апреля известно лишь еще об одном завершеном и переданном в суд деле. Это практически уникальный случай — два курсанта школы милиции написали рапорт на участкового уполномоченного Кумца, который, будучи старшим в наряде, при обыске в гостинице «Киевская» открыто, по их словам, похитил у бизнесменов 5 миллионов рублей. Основная же масса уголовных дел возбуждена не против конкретных сотрудников правоохранительных органов, а по факту; вероятность того, что эти дела будут доведены до суда весьма проблематична.

Уже 10 дел из возбужденных 36 приостановлены в связи с неустановлением преступников, одно прекращено за отсутствием состава преступления. По мнению Генеральной прокуратуры «длительное расследование ряда дел объясняется трудностями установления работников органов внутренних дел (подозреваемых, свидетелей), принимавших участие в обеспечении режима чрезвычайного положения, проведением судебных экспертиз и т.д.» [23]. Однако при детальной проверке хода расследования уголовного дела, возбужденного по одной из жалоб о причинении телесных повреждений сотрудниками милиции, проводимого Кунцевской межрайонной прокуратурой, эксперты Комиссии по правам человека при Президенте России (член ПЦ «Мемориал» О.П. Орлов и сотрудник «Известий»

М.А.Лебедева) пришли к выводу о недобросовестном и предвзятом проведении следствия [24].

Оценивая Постановление Правительства Москвы 906, в ноябре прошлого года Генеральный прокурор России А.И.Казанник писал Президенту России, что оно не противоречит законодательству [10]. С его точки зрения легитимность этого правового акта лишь в известной степени была подорвана тем, что он не был опубликован. В ответе, направленном на запрос Комиссии по правам человека при Президенте России уже в апреле сего года, также сообщается, что незаконных нормативных актов, изданных мэром и Правительством Москвы, выявлено не было [23]. От оценки законности отдаваемых сверху в отделения милиции конкретных распоряжений прокуратура уклонилась, также как и от проверки законности постановлений о высылке конкретных граждан [23].

От ответа на вопросы по данной проблеме, направленных в Генеральную прокуратуру Правозащитным Центром «Мемориал», это ведомство уклонилось. В результате проверок нескольких поданных Правозащитным Центром «Мемориал» жалоб людей на незаконность их задержания и выдворения из Москвы только на основании отсутствия у них прописки, межрайонные прокуратуры г.Москвы вынесли решения об отказе возбуждения уголовных дел против сотрудников милиции, так как их «действия признаны соответствующими Указу Президента «О чрезвычайном положении» и Закону «О милиции». Городская прокуратура с такими выводами согласилась.

Практически тем самым прокуратура уклонилась от выполнения поручения Президента России и проявила нежелание выполнить свою прямую обязанность — дать оценку массовым нарушениям закона и прав человека в период чрезвычайного положения в Москве.

Примечания

[1] — Ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах; ст.26 и 27 Закона РФ «О чрезвычайном положении».

[2] — «Комсомольская правда» 06.10.93 г., с.2 и 12.10.93 г., с.2; «Новая ежедневная газета» 08.10.93 г., с.1; «Экспресс-хроника» 40 08.10.93 г., с.2, ; «Независимая газета» 09.10.93 г., с.3; «Рабочая трибуна» 15.10.93, с. 1-2;

[3] — Интервью пострадавшего членам ПЦ «Мемориал».

[4] — Заявление Лодкина Ю.Е. в Московский исследовательский Центр по правам человека.

[5] — «Красная звезда» 06.10.93 г., с.1.

[6] — Случаи с Бариновым М.М. и Васильевым А.А.

[7] — «Известия» 10.11.93 г., с.2.

[8] — 35 099 человек по сообщению временного пресс-центра при коменданте района ЧП 18.10.93 г.; 36 тысяч — по заявлению на пресс-конференции 19.10.93 г. коменданта района ЧП А.Н. Куликова; 37 216 — по сообщению «Российских вестей» 19.10.93 г.

[9] — 54 154 человек по сообщению временного пресс-центра при коменданте района ЧП 18.10.93 г.; 65 515 — «Щит и меч» 21.10 93 г. со ссылкой на комендатуру района ЧП; 66 916 — по сообщению «Российских вестей» 19.10.93.

[10] — Письмо Генерального прокурора РФ А.И.Казанника Президенту России Б.Ельцину 01.11.93.

[11] — «Коммерсант-Daily» 16.10.93 г., с.22; «Общая газета» №13 15-21.10.93 г.; «Независимая газета» 09.10.93 г., с.3, 16.10.93 г., с.3, 09.10.93 г., с.3; «Вечерний клуб» 19.10.93 г.; «Комсомольская правда» 19.10.93, с.1; «24» 19.10.93 г.; приложение к «Московской правде» 21.10.93 с.3 — «Тверская» №41; «Собеседник» №42 1993 г.; «Столица»

[12] — Жалоба родственников покойного Рассадкина была передана ПЦ «Мемориал» в прокуратуру в начале ноября 1993 года. В декабре Ленинградская межрайонная прокуратура г. Москвы возбудила уголовное дело по признакам ст. 108 УК РФ. Однако в апреле на запрос «Мемориала» прокурор Москвы Пономарев сообщил, что доказательств, подтверждающих факт избиения А.А.Рассадкина в милиции не получено, телесные повреждения могли быть причинены в драке с неустановленными лицами. Вместе с тем за прошедшие пять месяцев прокуратура не смогла или не захотела получить сведения от основного свидетеля произошедшего в 48-м отделении милиции — жителя Алма-Аты, который гостил у покойного и был вместе с ним доставлен в милицию с квартиры Рассадкина.

[13] — Доклад Фонда защиты гласности «Преследование журналистов и прессы на территории бывшего СССР в 1993 году» январь 1994 г.

[14] — «Российские вести» от 02.10.93 г., с.2; «Известия» от 08.10.93 г., с.2; «Московские новости» 42 от 17.10.93 г.; «Мегаполис-экспресс» от 20.10.93 г.; «Куранты» от 21.10.93 г.; «Коммерсант-Daily» от 21.10.93 г.

[15] — Ответ первого заместителя прокурора г. Москвы Ю.А. Смирнова от 31.03.93 г. на запрос Комиссии по правам человека при Президенте России. До этого по окончании ЧП комендатура для прессы сообщала о 9886 высланных людях («Щит и меч» 21.10.93 г., «Вечерний клуб» 21.10.93).

[16] — «Красная Звезда» 06.10.93.

[17] — Сообщение Шенгелия Л.Д. и ее пострадавших родственников членам ПЦ «Мемориал».

[18] — Сообщения в ПЦ «Мемориал» от пострадавших.

[19] — Пункт «б» ст. 23 Закона РФ «О чрезвычайном положении». В Указе Президента РФ 1578 поручается Министерству печати и информации «обеспечить ... меры, предусмотренные» данным пунктом этого Закона.

[20] — Письмо за подписью Д.Лейбер, исполнительного директора правозащитной организации «Хельсинки Вотч», подразделения «Хьюман Райт Вотч» Президенту Российской Федерации Б.Ельцину.

[21] — Ответ заместителя начальника отдела Управления прокуратуры г. Москвы по надзору за исполнением законов в органах внутренних дел В.Ю.Романова на запрос ПЦ «Мемориал». Ответ заместителя Генерального прокурора РФ Э.Г.Денисова от 21.04.94 на запрос Комиссии по правам человека при Президенте России.

[22] — Речь идет о рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении, по которым в соответствии со ст. 109 УПК РФ прокурор, следователь и т.д. обязаны принимать «решения в срок не более трех суток, а в исключительных случаях — в срок не более десяти суток... По поступившему заявлению или сообщению должно быть принято одно из следующих решений: 1) о возбуждении уголовного дела; 2) об отказе в возбуждении уголовного дела; 3) о передаче заявления или сообщения по подследственности или подсудности».

[23] — Ответ заместителя Генерального прокурора РФ Э.Г.Денисова от 21.04.94 на запрос Комиссии по правам человека при Президенте России.

[24] — Материал находится в печати в «Известиях».